

Не смеите забывать...

Я бежала к своей подруге на другой конец города. Радость предстоящей встречи давала мне дополнительные силы, и я буквально "летела", едва касаясь земли. И вдруг меня словно кипятком ошпарило. Встала, как вкопанная, решая, как мне поступить: остановиться и поговорить с "нашей ботаничкой" или незаметно прошмыгнуть мимо.

Час встречи с подругой не был назначен, и я решила поступить по совести, о чем впоследствии совершиенно не пожалела.

- Здравствуйте, Нина Алексеевна!

- Валя! Валя Родионова, - обращалось воскликнула Нина Алексеевна Бирюкова.

"Ну и память, - подумала я, - ведь больше сорока лет прошло". Мы разговорились. Сначала болтали на задворках горного техникума, но нас попросили оттуда, и мы перебрались во двор моей милой учительницы и еще провспоминали два часа.

- А помнишь, Валя, Петра Ивановича?! - спросила Нина Алексеевна.

- А как же?! - вздохнула я. - Не раз "репортовала" ему о своих "достижениях" в директорском кабинете.

Особо изощренным наказанием директора было оставить меня в своем кабинете одну. Ну, тоска же смертная! Техничка, подававшая звонки, приглядывала за мной. Стоять на одном месте целий урок?! Это бессердечно! Лучше отругать, но только не безмолвие и не статичность! В классном углу и то краше - хоть рожицу можно было кому-нибудь скрочить.

Вернется Петр Иванович с урока и спросит:

- Ну что, Родионова, поняла?

- Конечно, поняла, - скромненько отвечала я.

- Ну, иди! - сурово и безнадежно вздыхал директор. - Больше ко мне не являйся!

Да где уж там! Шило у меня было в одном месте. И несмотря на хорошую учебу, поведение оставляло желать лучшего. Много лучшего...

Моей первой учительницей была Галина Борисовна Кайнова. И училась я тогда в средней школе №1 имени А. М. Горького, что располагалась рядом с водонапорной башней. Номер школы меня волновал мало, а вот приписка "им. А. М. Горького" нравилась, как, впрочем, и сам писатель.

Наша Галина Борисовна жила недалеко от школы и была очень гостеприимным человеком. Не раз

мы с одноклассниками пили у нее чай с чем-нибудь вкусненьким. Тогда и варенье, и карамель были роскошью. Со дня окончания войны минуло всего пятнадцать лет.

Многие жили скромно, а то и бедно. Накормить бы да одеть - было заботой большинства наших родителей. Все пригодные земли вокруг города были заняты огородами и садами. У нас сада не было, и потому угощение учительницы мне казалось царским.

Но самым потрясающим в доме Галины Борисовны был аккордеон. Я очень любила музыку и бесконечно искала ее на своем радиоприемнике "Москвич". Наша "вторая мама" замечательно играла на аккордеоне, и мы весело пели и плясали под ее аккомпанемент. Никакой сегодняшний вокальный конкурс не идет ни в какое сравнение с нашими тогдашними попевками!

Ну, про директора Петра Ивановича Мышкина я уже упоминала, но самым дорогим для нас, учеников, было не его администрирование, а его вдохновенный рассказ о каком-либо историческом событии. И ведь так расскажет обо всем, что хочется бежать на баррикады, грудью закрыть амбразуру, со стягом в руках броситься в атаку... Мы боялись тогда

Мы создавали историю

директора школы. Но еще больше мы его уважали, не смели при нем бранно выражаться, дерзить. А как заразительно рассказывал Петр Иванович "о тотальном шествии социализма"! О, как мы гордились тем, что живем в стране Советов!

Моей последней школьной любовью была Валентина Александровна Антонова. Вот ее-то уж по праву можно назвать моей "второй мамой". Я дружна и знакома не только с детьми В.А. Антоновой Надеждой и Александром, но даже внук моей учительницы Кирилл помнит меня и здоровается при встрече.

В отроческие годы дух бунтарства настолько силен, что родные и близкие воспринимаются нами как вериги на руках и ногах. Хочется независимости, самостоятельности. И, "задрав штаны, бежать за комсомолом", - как писал когда-то молодой Сергей Есенин.

Прожив непростую жизнь, Валентина Александровна все время приземляла нас, опускала с небес на землю: "Будет тебе плохо. Хорошая соседка баба Нюра почувствует. Посудачит. И только. А мать - есть мать. Она и пожурит. Она же и поможет". Сколько раз я убеждалась в правоте этих слов!

Так и было у меня две матери: родная и школьная. Моя мама умерла в 1989 году. Мои дети ее

почти не помнят, лишь фотографии сохранили ее образ.

Вскоре мы хоронили и Валентину Александровну Антонову. Нас тогда собралось человек двадцать - двадцать пять (в классах в то время было по сорок человек, а то и больше). Мне, как самой грамотной, поручили поминальную речь. И я начала: "Полгода назад я похоронила свою маму. Сегодня я пришла на погребение своей второй матери..."

Дальше говорить я уже не могла. Рыдания и слезы слились в сплошном всхлипе. Я кинула горсть земли на гроб классной и в горьких страданиях отдалась от скрывающихся и провожающих.

Моя краткая, идущая от сердца речь, тогда многих тронула до слез. Для пришедших проводить Валентину Александровну она была не просто учителем. Она была именно матерью. Школьной мамой. Взыскательной. Заботливой. Участливой.

**В. РОДИОНОВА,
внештатный корреспондент.**

